

УДК 821.161-1(1-87)

Гао Чуньюй
профессор факультета русского языка
Институт иностранных языков
Цицикарского университета (КНР)
liubochunyu@163.com

РОЖДЕСТВО В ЛИРИКЕ А. ПАРКАУ

Аннотация. В статье анализируется лирика А. Паркау, посвящённая теме Рождества. Тема Рождества в её стихотворениях связана с Россией и воспоминаниями о детстве. Воспоминания об этом празднике насыщены тактильными, цветовыми, слуховыми и зрительными деталями, которые соотносятся с другими образами прошлого. События последующей жизни, представленные через «калейдоскоп» обрывочных деталей, «просвечивающих» сквозь время и расстояние, которые способствовали преодолению боли и страдания, усиливали восприятие красоты праздника. Наполненные трансцендентным смыслом образы, передавали стремление уйти от реальных страданий и забыть о тяготах повседневной жизни.

Ключевые слова: А. Паркау, русское зарубежье, лирика, Рождество, образы и мотивы.

Литература русской эмиграции в Китае – важная часть культуры XX в. Творческая ситуация, в которой оказались русские писатели в Китае, оказалась уникальной: они находились вдали от Родины, но среда их обитания была тесно связана с русской культурой; и не случайно они оставили китайскому народу ценное духовное богатство.

Среди русских писателей-эмигрантов в Китае была велика доля женщин. Образы лирических героинь их произведений не только часто отражали их личную судьбу, но и раскрывали разные психологические аспекты поведения женщины: «Женский взгляд на окружающий мир нередко оказывается «острее» мужского, и их стихотворения разнообразны по темам, в них раскрываются особенности характера и повседневные мелочи» [Цзинь Хуа 2013: 113].

Среди русских писателей Харбина и Шанхая особое место занимала поэтесса и журналист А.П. Паркау (по мужу – Нилус) (1887–1954), которой было суждено стать «первым по времени профессиональным поэтом» русского Китая и «гордостью» поэтесс-эмигранток [Цюй Сюэпин 2012: 29]: именно она «разбудила харбинскую музу», когда в 1916 г. вместе с мужем, Е.Х. Нилусом, приехала в Харбин [Крейд 2001: 35]. Уже своей внешностью и поведением поэтесса выделялась на общем

фоне: «Александре Петровне – находящейся в далеком от российской столицы Китае, всегда стильно одетой и элегантно причесанной женщине, прекрасно образованной и свободно владеющей французским языком, не понаслышке была знакома жизнь первых послереволюционных месяцев» [Забияко 2008: 135].

В 1930-е гг. семья А. Паркау переехала в Шанхай, и именно в квартире Нилусов стал собираться литературный кружок «Среда», развивавший традиции харбинской «Чураевки». Стихи её печатались в журнале «Рубеж» и в литературно-художественном сборнике «Багульник» (1931), в 1937 г. вышел отдельный сборник её стихотворений, озаглавленный «Огонь неугасимый», а в 1942 г. – второй сборник под характерным названием «Родной стране».

Одна из постоянных тем творчества А. Паркау – русские праздники, которые, с одной стороны, становятся поводом для радости, а с другой – способом воспоминания о родине. Так, например, в художественном мире А. Паркау неоднократно возникала тема Рождества, с которой был связан «комплекс мотивов, выражавших чувство ностальгии по утраченному (воспоминания о родине, о детстве), подчеркивавших чуждость мира, в котором оказалась лирическая героиня (вместо снега, льда и мороза – дождь, вместо ели – туя, а рядом – “чужеземный Санта Клаус”» [Арустамова 2021: 78].

А. Паркау часто вспоминала о юности, проведенной в России. В её лирику тема прошлого приходила через описание русских праздников. Один из таких праздников – Рождество, которому было посвящено несколько стихотворений поэтессы – «Рождество», «Издалека», «Рождественский базар», «Петербургская ёлочка», «Одинокая ёлка», опубликованных в сборнике «Огонь неугасимый».

Обратимся к анализу стихотворения «Рождество». Размышления об этом празднике в поэтическом мире А. Паркау соотнесены с воспоминаниями о детстве. В соответствии с принципами детского восприятия окружающей действительности они наполнены множеством «мелочей». Каждая деталь таких воспоминаний насыщена многочисленными тактильными, цветовыми, слуховыми и зрительными деталями:

Я люблю суету, частый стук экипажей
И моторов спешащие гулы,
Мишуру побрякушек и хруст картонажей,
Всю условность наивных, цветных персонажей,
Всех надежд неизжитых посулы,

Ватный снег слюдяной, колпаки и хлопушки,
Щекотанье от хвойных иголок,
Остекленные звезды, бумажные пушки,
Розы, флаги, снегурки и так... завитушки,
Позабытого детства осколок.

[Паркау 1937: 35]

Каждый фрагмент памяти лирической героини обладает собственной ценностью, поскольку хранит частичку дорогого прошлого и вызывает трогательное волнение. Память о Рождестве, – «детства осколок» – соотносится с другими образами прошлого, постепенно перетекающими из одного в другой, часто неясными и неопределёнными, словно пропускающими сквозь туман детских и юношеских воспоминаний: «дедушка», «сказочник милый», «друг забытый», «товарищ старинный», «милый мальчик в мундире», «цыплёнок в скорлупке». Чувства поэтессы можно обобщённо выразить одним словосочетанием – «крайняя тоска» по Родине. «Ее патриотические чувства были до предела обострены пережитым и по-настоящему выстраданы» [Забияко 2008: 136].

В интерпретации А. Нилус Рождество не связывается с какими-то определёнными религиозными представлениями: это прежде всего «хороший старый друг», которого любят «поэтично и нежно», а к встрече готовятся «тепло и прилежно». Рождество ценно в первую очередь «шутками святок» (в традиционных народных представлениях период святок был временем окончательного определения будущих брачных пар), радостными воспоминаниями детства и юности:

Вот, у глаза морщинки, поникнули плечи,
Помнишь первые наши свиданья?
Помнишь первые, светлые, яркие встречи,
Ёлки, молодость, танцы, горящие свечи,
Юных грёз, юных чар ликованье?

[Паркау 1937: 35]

Детские и юношеские воспоминания о первой любви («Поцелуй полудетский весёлый и звонкий, – / Рождества первый чудный подарок»; «Милый мальчик в мундире, цыплёнок в скорлупке – / И в косе моей бант бирюзовый...») [Паркау 1937: 36] перемежаются с более грустными размышлениями о старости и смерти:

Ничего, дорогая, живёшь, а скосила
Смерть не мало косою своей длинной.
<...>

Эх, дружище! Прошли мы путь жизни мятежный,
Скоро старость... И выйдем из круга...
Молодые, за вами черёд неизбежный!
Я люблю Рождество поэтично и нежно,
Как хорошего старого друга

[Паркау 1937: 35–36].

«Поэтесса неоднократно возвращалась к описанию своего детства: эта тема была соотнесена с выражением собственного внутреннего мира, раскрытием лирического «я» (что в целом было характерно для всей литературы эмиграции). Мотивы памяти, связанные с обращением к детскому опыту, позволяли мысленно вернуться на Родину и в то же время с новой силой ощутить горечь ее утраты» [Арустамова 2021: 67].

Тоска по прошлому, ярко выраженная через романтические детские воспоминания, передаёт ощущение необратимости времени. События последующей «взрослой» жизни, представленные через «калейдоскоп» обрывочных деталей, «просвечивающих» сквозь время и расстояние, которые способствуют исчезновению связанной с ними боли и страдания, но это не мешают восприятию красоты праздника. Любое воспоминание – это часть личной жизни, а непрерывный поток времени способствует тому, что все события, становясь прошлым, постепенно исчезают и в конечном итоге становятся частью окружающей человека красоты.

В стихотворении «Рождество» читатель может ощутить наполненные трансцендентным смыслом образы и духовные переживания поэтессы, её одиночество и тревогу, а также стремление уйти от реальных страданий и забыть о тягестях повседневной жизни. Застывшее в своей неповторимой красоте прошлое, противопоставлено современности, утратившей определённые пространственные и временные характеристики. Порожденный рождественскими воспоминаниями сон о детстве как бы указывает на отрицание поэтессой нынешней жизни: детство ушло навсегда, но каждое воспоминание о нём вызывает меланхоличное чувство утраты и одновременно красоты утраченных неповторимых лет, уходящих в вечность.

Картина рождественских праздников раскрывается А. Паркау и в другом стихотворении из сборника «Огонь неугасимый», опубликованном под характерным названием «Издалека». Стихотворение, как явствует уже из его названия, построено на пространственных и временных противопоставлениях – «там» и «в прошлом» сопоставляется с тем, что находится «здесь» и «сейчас». Такая система оппозиций наилучшим образом способствовала организации размышлений о России: «В центре художественного мира А. Паркау всегда находились представления о Ро-

дине, поэтому слово «здесь» в стихотворении использовалось для обозначения далекого (относительно России) пространства – места, в котором «здесь» и «сейчас» находились эмигранты» [Арустамова 2021: 78].

Российский рождественский пейзаж, связанный с «ушедшими днями», противопоставляется картине этого праздника, проходящего в Китае: слова «так любовно» контрастирует с «так грустно», «яркие ёлки» и сверкающие гирлянды свечей на зелёных пушистых иголках – с «кудрявыми туями», убранными «золотой мишурой»; «россыпи снежные», «льдины» и «морозы» – с «серым дождиком осенним»; «красные жерла печей» – с «охрой разбухших стен»; «мягкий уют» родных домов – с «прокопчёнными нуждой» «бординг-хаусами» (то есть пансионатами, «меблированными комнатами»), в которые «большими шагами» приходит «чужеземный старик Санта-Клаус». Российское прошлое и китайская современность вплетены в контекст размышлений о неясном будущем и о русских людях, которые оказались совсем далеко от Родины – уже не рядом туями и драценами, а под пальмами:

Буду думать, что жизнь все печальней,
Что покой вожделенный далек.
И какой-нибудь русский – на пальме
Зажигает сейчас огонек.

[Паркау 1937: 185]

В поэзии А. Паркау изменялся не только образно-мотивный ряд, но и способ рассмотрения и осмысления представлений о «своем» и «чужом». Устроенная таким способом система образов и мотивов стихотворения лучше всего способствовала выражению размышлений лирической героини: «Их общая противопоставленность не мешала изменению границ между ними, «присвоению» «чужого» – и одновременно актуализировала мотив пути, постоянного перемещения в пространстве и времени» [Арустамова 2021: 80].

Образы и мотивы, соотнесённые с китайской современностью, лежат в основе стихотворения «Рождественский базар», опубликованном в том же сборнике. В поэзии часто использовались А. Паркау этнографические детали: поэтесса подробно описывала национальные традиции, обычаи, праздники, которые помещала в контекст китайской культуры и харбинской повседневности.

В стихотворении «Рождественский базар» традиционный для русской культуры праздник вписывается в восточный антураж, а европейский рождественский базар соединялся с традиционным китайским рынком, и праздник, как и всегда положено ему, становится коллектив-

ным действием, объединяющим людей, разной культуры, оказавшихся в пределах «одной границы». Поэтесса подчёркнуто материализует детали, характеризующие прагматические аспекты подготовки к празднику: «Рядом с курами, картофелем и сеном / На базаре вырос ёлок лес»; «Ходя в руку мне сует хлопущки, / Поросята бешено визжат...»; «На прилавках рыбы, серебристо / Блещут и сверкают чешуей...» [Паркау 1937: 37]. Мир китайского рождественского базара – так же, как и «детский мир» в стихотворении «Рождество» насыщен разными звуками, запахами, оттенками цветов, создающими у читателя правдоподобное ощущение предпраздничной суеты, изобилия материального и «телесного».

В стихотворениях А. Паркау мир современности часто сочетается с действительностью иного порядка. В стихотворении «Рождественский базар» многогранная современность, представленная, с одной стороны, «китайчатами» в ватных костюмах, торговцами-«ходями» и девушками в модных европейских «шляпках клош», а, с другой стороны, – предназначенными для продажи живыми и замороженными животными и птицами, сочетается с волшебной картиной мира, связанной то ли со сказочным прошлым, то ли с потенциальным будущим, которая нарисована воображением лирической героини под влиянием сказок Андерсена:

А в лесу, эфесы шпаг сжимая,
Принцы замерли и ждут своих принцесс...
Их не видно в чаще, но я знаю,
Что их прячет чародейный лес.

[Паркау 1937: 37]

Тема памяти является основной и в стихотворении «Петербургская ёлочка». Искусственное растение, сделанное «из бумаги или мха зеленого», купленное лирической героиней когда-то в «забытой русской столице», и связанные с её покупкой обрывки воспоминаний (Большая Коношенная, Летний сад, сани, река Нева и канал...) становится символом исчезнувшего прошлого и исчезающей памяти о нём:

Из картонки маленькую ёлочку
Каждый год в Сочельник вынимаю.
Ёлочка... Насмешка рока странная...
Раскололись царства, стерлись лица¹
И рыдает вьюга в ночь туманную
Над забытой русской столицей...
А она в Сочельник, тень бездомная,
Шевелит поблекшими ветвями

И твердит нам: Помню, помню я,
Что уже давно забыто вами.

[Паркау 1937: 142]

Темы памяти о прошлом («дней прожитых медленные свитки») и печали одиночества («Но давно условленный час встречи / Стрелкою обогнут часовой») доминируют и в стихотворении «Одинокая ёлка» [Паркау 1937: 82]. Шум и суета праздника становятся фоном для выражения грусти лирической героини. Праздничные ожидания сталкиваются с грустной реальностью, и только воспоминания обретают вечность:

С тихим треском угасают свечи,
Нехотя и грустно, по одной,
Все равно, теперь он не придет.
Ночь, слетев, сложила мягко крылья
И глядит в оконный переплёт...
Бьют часы охрипшие с усилием,
Все равно, теперь он не придет.
На окне слезами блещет иней
И свеча, последняя звезда,
Язычком рванулась бледно-синим
И угасла... Навсегда...

[Паркау 1937: 82]

Одиночество как жизненное ощущение и феномен поэтической картины мира постоянно возникает в поэзии А. Паркау. Тема одиночества присутствует и во всех её рождественских стихотворениях. Концепт одиночества как особой экзистенциальной ситуации вторгается в мир её поэтических произведений, характеризуя постоянное состояние души лирической героини. Экзистенциальное ощущение одиночества передает тревогу поэтессы за будущее и, в конечном итоге, отображает внутренний мир русских эмигрантов в первой половине XX в.

Несмотря на счастливую семейную жизнь, как поэтесса А. Паркау всегда оставалась одинокой женщиной. «Слово "одиночество" имеет два значения: одно указывает на определённый способ существования человека, другое – на особое внутреннее переживание; первое одиночество – "внешнее", каким оно представляется в глазах посторонних, второе – "внутреннее", то есть эмоциональное переживание "внешнего" одиночества, возникающее как из-за противоречия между интенсивностью стремления к пониманию и общению и невозможностью реализации этого стремления и понимания из-за потери внутреннего психологического равновесия» [Лю Гоинь 1994: 30].

Именно второй тип одиночества и был характерен для поэтессы и постоянно выражался через её поэтические произведения. Её кажущаяся «замкнутость» и высокомерие как поэтессы были обусловлены тем, что её чувствительность к жизни русского анклава в Китае была выше, чем у других эмигрантов: это была чувственность, обусловленная интеллектом поэтессы, что требовало поиска какой-либо опоры для того, чтобы противостоять жизненным переживаниям (а такая основа в жизни эмигрантов отсутствовала), что и приводило к абсолютизации субъективных ощущений. Именно поэтому переживание волшебства Рождества связывалось в стихотворениях А. Паркау с одиночеством, а праздничная современность становилась тусклой и замещалась яркими картинами прошлого, в котором всё было определённо и обладало призрачной устойчивостью.

Примечание

¹ Фраза «Раскололись царства, стерлись лица», характеризующая представления А. Паркау о состоянии мира в XX в., напоминает нам типологически близкое высказывание Чжан Дая – китайского писателя и историка конца династии Мин – начала династии Цин (1597–1684). Когда ему было 48 лет, рухнула династия Мин, и это событие оставило большой след в его творчестве. В своих произведениях Чжан Дай вспоминал об прекрасном прошлом и подробно описывал обычаи конца династии Мин.

Библиографический список

Арустамова А.А., Кондаков Б.В. Через океан: очерки литературы русской эмиграции в Китае и в США (1920–1930-е гг.): монография // Пермский государственный национальный исследовательский университет. Пермь, 2021. 152 с.

Забияко А.А., Эфендиева Г.В. «Четверть века беженской судьбы...» (Художественный мир лирики русского Харбина) // Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2008. 428 с.

Крейд В. Все звезды повидав чужие // Русская поэзия Китая. М.: Время, 2001. 720 с.

Паркау А. [Нилус А.П.] Огонь неугасимый: стихи. Шанхай: [б. и.], 1937. 200 с.

刘国瑛: 心态与诗歌创作, 上海: 学林出版社, 1994. 265. (Лю Гоинь. Психология и стиховедение. Шанхай: Изд-во «Сюэ Линь», 1994. 265 с.)

金华. 当代女性诗歌的艺术精神 [J]. 中国社会科学院研究生院学报, 2013(1): 113–120. (Цзинь Хуа. Художественность современной женской поэзии // Вестник института аспирантов Китайской академии общественных наук. 2013. № 1. С. 113–120.)

曲雪平. 论中国俄罗斯侨民女诗人及作品 [J]. 齐齐哈尔大学学报, 2012(4): 75–79. (Цюй Сюепин. О русских поэтессах-эмигрантках в Китае и их творчестве // Вестник Цицикарского университета 2012. № 4. С. 75–79.)

Gao Chunyu
Professor
Qiqihar University

CHRISTMAS IN THE LYRICS OF A. PARKAU

Abstract. The article analyzes the lyrics of A. Parkau, dedicated to the theme of Christmas. The theme of Christmas in her poems is connected with Russia and with the memories of childhood. Memories of this holiday are saturated with tactile, color, auditory and visual details that correlate with other images of the past. The events of later life, presented through a “kaleidoscope” of fragmentary details, “shining through” time and distance, which contributed to overcoming pain and suffering, enhanced the perception of the beauty of the holiday. Spiritual experiences of the poetess, images filled with transcendental meaning conveyed the desire to escape from real suffering and forget about the hardships of everyday life.

Key words: A. Parkau, Russian abroad, lyric, Christmas, images and motifs.